

## Поворот к устойчивой трансформации общества: назревающая потребность

**А. Мартынов,**

д-р экон. наук, Институт экономики РАН (e-mail: socpolamv@mail.ru)

*Аннотация. В статье рассмотрены дискуссионные вопросы, связанные с претворением в жизнь идеологии устойчивого развития общества. Особое внимание уделяется исходному концептуальному представлению будущей устойчивой системной трансформации на основных полях социальных действий. Автор обосновывает позицию в пользу предпочтительности устойчиво поступательного экономического и обще социального прогресса.*

*Abstract. Discussion issues concerning the implementation of sustainable development ideology are described in this article. Exclusive attention is devoted to initial concept view on future sustainable system transformation at the main fields of social actions. The author grounds his position in favor of sustainably forward economic and overall social transformation.*

**Ключевые слова:** устойчивое развитие, трансформация, социальная система, институты, технологии.

**Keywords:** sustainable development, transformation, social system, institutions, technologies..

Не ставя под сомнение огромную роль текущих конъюнктурных изменений, в конечном итоге, долговременные направления развития экономики и всего общества определяют фундаментальные сдвиги. Попробуем хотя бы в первом приближении представить образ будущего обще социального прогресса, используя признанный реалистичный трансформационный подход.

*Концептуальное видение обще социального прогресса.* До последнего времени мировое развитие в настоящее пост кризисное десятилетие характеризовалось отсутствием значимого технологического и институционального прогресса. Наиболее весомым фактором экономического развития почти во всех развитых странах выступает рост капитала на обычных рынках. Макро эффект роста существующего высокотехнологичного и наукоемкого капитала и, в частности, инвестиций в информационные технологии сегодняшнего поколения фактически достиг насыщения уже длительное время назад.

В целом вырисовывается почти мрачная картина стагнации технологического и институционального прогресса, судя хотя бы по динамике признанных на международном уровне индикаторов - тотальной или мульти факторной производительности. По сути дела однозначно превалирует инерционный тренд экономического развития.

По-прежнему ошеломляет феномен мирового миграционного прилива, превысившего 3% долю от всего населения планеты. Он обусловлен разрывом между потребительскими и культурными запросами и возможностями их удовлетворения граждан бедных и, тем более, кризисных стран. И в очень многих странах наблюдается избыточный приток мигрантов относительно потребностей национальной экономики с учетом сильного замедления экономической глобализации. Все более угрожающей становится диспропорция между постоянно расширяющейся волной мировой миграции, с одной стороны, и замедленным ростом глобальных и мульти

региональных рынков наряду со стагнацией и даже снижением масштабов прямых иностранных инвестиций, с другой.

При таких обстоятельствах второе пришествие неоконсервативного капитализма, ориентированного на максимальный оборот и прибыльность национального частного капитала в традиционных, не высокотехнологичных и не наукоемких секторах, выглядит вполне объяснимым. В свою очередь реализация этих целей хорошо сочетается с экономическим национализмом – созданием условий для максимальной конкурентоспособности производителей в своих странах.

Определенно нынешний агрессивный неоконсервативный курс, проводимой администрацией США, принес только временные успехи. По широко распространенному мнению, в долгосрочном плане результат реализации этого курса будет негативным. К концу следующего года вероятно произойдет исчерпание стимулирующего эффекта снижения налогов на бизнес и, наоборот, усилится эффект ответного повышения зарубежных тарифов. Как следствие, потребуются сокращение государственных расходов, сопровождаемое неизбежным повышением процентных ставок ФРС. И, в конечном счете, наступит фаза продолжительной рецессии с учетом действия циклических факторов.

По всем признакам американская моногегемония безвозвратно ушла в прошлое. Однако можно констатировать: на геополитическом пространстве фактор силы, обуславливающий заведомые аномалии на межгосударственном уровне, определенно превалирует.

И понятны пессимистические ожидания превращения фактора силы в главенствующий в международных отношениях в результате полного восстановления гегемонистской дуополии в лице США и его ближайших союзников, с одной стороны, и Китая-России, с другой. Тогда произойдет раздвоение мира, в институциональном отношении более глубокое в сравнении с эпохой

противостояния западного и социалистического блоков в 1960-1980 гг.

Без всякого преувеличения, мировое общество и большинство его членов – суверенных стран стоит перед выбором неотложных адекватных, в полной мере реалистичных долгосрочных решений, позволяющих сконцентрировать усилия на преодолении возникших барьеров к прогрессу. Для обоснования этих решений требуется принимать в расчет весь ряд процессов экономических и других социальных изменений, связанных с фундаментальными, совсем не краткосрочными структурными сдвигами – технологическими, ресурсными, организационными и, конечно, институциональными.

В силу сказанного резонным выглядит обращение к теории социальной системной трансформации, опираясь на признанные выдающиеся труды [1,2,3]. В соответствии с этой теорией правомерна трактовка процесса развития социальной системы как трансформации ее многомерной структуры. Такой подход предполагает интегративное представление значимых компонент вектора развития конкретного общества как социальной системы в реальном пространственно-временном измерении.

Трансформация социальной системы в традиционном (узком) ее понимании охватывает основные поля социальных действий, экономическое, политическое, социетальное (статусное) и отчасти культурное, характеризующих наличием определенного институционального каркаса и ресурсного обеспечения. В то же время необходимо принимать в расчет, что социальные изменения на институционально структурированных полях неизбежно сопровождаются в значительной мере не институционализированными процессами технологических, демографических и климатических изменений.

Тем самым социальная системная трансформация происходит в итоге взаимодействия разнородных эндогенных институциональных/ресурсных сдвигов. Как и многообразных экзогенных процессов; таких, как изобретение принципиально новых технологий, перемена циклов солнечной активности и др.

Исходная посылка системной трансформационной концепции развития-прогресса заключается в перманентном изменении производственных, личных и общественных потребностей, исходя из достижимых новых ресурсов, институциональных и технологических возможностей, ожидаемых демографических и климатических перемен [4]. Эти потребности в свою очередь предопределяют будущий структурный/мульти секторный вектор потенциального выпуска на экономическом пространстве и вектора потребных долгосрочных сдвигов на других полях социальных действий. Именно они выступают объективными ориентирами фундаментального развития социального макроса как целостной системы, в направлении которого при обеспечении необходимых условий могут произойти желаемые трансформационные преобразования в соответствии с критериями прогресса. В первую очередь в качестве них выступают критерии повышения благосостояния/благополучия в широком его понимании, с учетом состояния

среды человеческого обитания. В соответствии с признанной на международном уровне позицией интегративное благополучие социума отражается индексами качества жизни и человеческого развития. Их дополняют индексы счастья, практика оценки и сравнительного сопоставления которых также получила широкое распространение [5].

И, не прибегая к очевидным математическим доказательствам, можно утверждать. Исходя из общеизвестного критерия оптимального меж временного соотношения затрат и выгод, предпочтительна трансформация социального макроса как системы по стабильной долгосрочной траектории, который принято именовать устойчиво поддерживаемой (sustainable). Ее имманентной чертой выступает не скачкообразное, а неуклонно последовательное приближение к реально достижимым трансформационным рубежам, исходя из выявленных возможностей.

Тем самым для обоснования концепции будущего общественного прогресса более чем логично востребование универсальной идеи интегративного устойчивого развития и притом применительно к системной (именно системной!) трансформации всего общества. Следуя такому подходу, неотъемлемой составляющей желаемого развития общества как всеохватывающей социальной системы выступает устойчивая трансформация. Она выражается в достижении перспективных экономических, политических, экологических и других параметров, количественных и качественных, состояния социальной системы, которые полагаются в соответствии с принятыми критериями устойчиво приемлемыми в процессе развития.

Судя по жестким современным реалиям, в отношении национальных интересов отдельных стран императив устойчивости в решающей мере проявляется в гарантированности сохранения приемлемого уровня и качества жизни и в целом социального благополучия. Это достижимо посредством взаимодействия всех общественных сил, включая корпоративный и иной бизнес. Но главная ответственность в постоянном обеспечении приемлемости результатов национального развития однозначно лежит на государстве.

Такая роль государства как гаранта устойчивого развития определенно несовместима с неолиберализмом, как и с неоконсервативным капиталистическим курсом. То же касается, уместно добавить, и идеологии современного корпоративизма. Эффект благотворительной деятельности, называемой социально ответственной, крупных корпораций неизбежно ограничен и заведомо не распространяется на многие направления развития общества.

Разумеется, имеет смысл уточнить, желаемая трансформация общества в полной мере не исчерпывается процессами устойчивых изменений. Она может включать в себя процессы более прогрессивных перемен, выступающих результатами инициативных решений сугубо рыночных агентов и социальных предпринимателей при условии сохранения в целом устойчивого развития на основных полях социальных действий.

Исходя из сказанного, обозначенный исходный подход к проектированию будущего социального прогресса в первую очередь призван опираться на давно признанную международным сообществом рамочную концепцию устойчивого развития (УР) [6]. Ее последняя версия, как известно, представлена в официальном меморандуме "Преобразование нашего мира: Повестка дня для устойчивого развития на 2030" или просто Повестка, принятом на специальном саммите ООН в сентябре 2015 года [7]. Повестка адресована в равной мере развитым, пост развивающимся и развивающимся странам, при этом достижение поставленных целей в принципе предполагается равно приоритетным и взаимосвязанным в течение 15-летней перспективы (2016-2030 гг.).

Принципиальная новация заключается в постановке императива создания эффективных институтов на всех уровнях, зафиксированного в 16 цели Повестки. Едва ли не решающее значение для успешного интегративного УР, по мнению адептов обновленной концепции, приобретает феномен распространения инклюзивных институтов [8, р. 61-76]. Эти институты, в большинстве своем базирующиеся на принципах универсальности и отсутствия дискриминации, предоставляют равные права и возможности для производителей и потребителей, как и доступ ко всем ресурсам и услугам. Им противостоят эксклюзивные институты, обеспечивающие изъятие ресурсов в пользу групп, обладающими экономической и политической властью, за счет остального общества [9].

И как подчеркнуто в меморандуме саммита G-20 2016 года в Китае [10], необходимо утверждение подходящей институциональной среды для инклюзивного независимого бизнеса, включая социальное предпринимательство. В будущем именно инклюзивный бизнес призван играть ключевую роль в достижении императивов устойчивого развития.

Вместе с тем, по мнению многих исследователей (автора в их числе), нынешняя идеологическая концепция УР выборочно сегментационна и на самом деле далека от системной. Главное внимание в ней сфокусировано на экологических и гуманитарных проблемах, сбережении природных ресурсов и применении воспроизводимых ресурсов, преодолении последствий ухудшения климата, утверждении и повышении эффективности отдельных институтов. В то же время проблемы фундаментального институционального реформирования и адаптации к коренным технологическим переменам по существу только зафиксированы с использованием прежних формулировок. А именно от их разрешения в наибольшей мере зависит возможность достижения устойчиво приемлемых траекторий производства, потребления и занятости, как и сугубо экологических целевых ориентиров.

В серьезной корректировке, по нашему мнению, нуждается и представленная адептами рамочной концепции трактовка инклюзивных институтов. Следует иметь в виду, что не все эффективные институты, потребные для устойчивого развития, относятся к инклюзивным и, тем более, не все могут быть инкорпорированы в

рамки контрактных отношений. Сказанное в первую очередь касается институтов общественно-государственного регулирования. Многие из них в принципе не инклюзивны, как например, инструменты прогрессивного налогообложения. Также к инклюзивным определенно не относятся ключевые институты, функционирующие на корпоративных и других ограниченно конкурентных рынках, ряд неформальных политических институтов и в значительной части неформальные социальные нормы, обусловленные спецификой национального развития.

Еще более существенно то, что рассматриваемая концепция по существу не носит трансформационный характер в институциональной проекции. Желаемые образцы инклюзивных институтов как бы априори зафиксированы, хотя и предполагается их развитие в значительной мере благодаря целенаправленной политике на разных полях социальных действий со стороны государства.

Исходя из приведенной ранее аргументации, реалистичное проектирование институциональных изменений в увязке с ресурсными и организационно-поведенческими переменами, потребными для устойчивого развития, призвано опираться на исчерпывающее представление трансформаций на основных социальных полях как системных процессов. Решающее значение приобретает позиционирование во времени и пространстве институциональных и одновременно ресурсных сдвигов с учетом влияния институциональных/ресурсных изменений на "смежных" полях социальных действий и внешних экзогенных факторов (технологических, демографических и климатических перемен). В результате становится достижимым адекватное отражение интегративной трансформации всего вектора параметров социальной системы, исходя из императивов устойчивого развития. При этом, особо отметим, достижение экологических улучшений и относительной климатической стабилизации выступает предполагаемым интегративным следствием трансформационных сдвигов во всех областях социальной деятельности.

*Переход к глобальному устойчивому развитию.* Однозначно конструктивной выглядит позиция в пользу достижения стабильно поступательного развития мирового сообщества в рамках основных социальных полей как неотъемлемого условия такого перехода. Уместно акцентировать внимание на целом ряде позитивных вероятных сдвигов, осуществление которых в целом обусловит перелом регрессивной траектории глобального развития.

Первый сдвиг. Исключительное значение для улучшения состояния мировой экономики и геополитической ситуации будет иметь удачное воплощение замысла осуществления назревшего «нового дела», по ставшего теперь расхожим выражению, в странах ЕС, к которым, стоит акцентировать внимание, давно примыкает Япония. Большой экономический, инновационный и человеческий потенциал стран-проводников европейской интеграции в ее новом качестве позволяет надеяться на успех, несмотря на значимые центробежные процессы.

Критический вопрос заключается в осуществлении новой европейской оборонной программы, инициированной Францией и Германией. ЕС необходимо располагать вооружениями, способными обуздать потенциального агрессора путем адекватного превентивного/ответного удара. Масштабные разработки в этом направлении могут быть доведены, судя по примеру Китая и России, до практического позитивного результата в ближайшие сроки.

Второй сдвиг. Грандиозная экономическая экспансия Поднебесной в не западном мире по всем признакам еще более усилится. Она проявляется в повышении экономического роста и потребительского благосостояния во многих странах.

Как известно, китайские руководители выступают за скорейшее реформирование мировой валютно-финансовой системы. Она, возможно, станет важнейшим шагом к установлению в дальнейшем справедливого экономического порядка на глобальном уровне.

*Третий сдвиг.* Индия, Бразилия, Индонезия и ряд других пост развивающихся стран с их совокупным огромным потенциалом определенно способны добиться существенного экономического и гуманитарного прогресса в ближайшие годы. На глобальном уровне это зримо выразится в столь желаемом сокращении бедности и разрыва в доходах.

Также в ближайшей перспективе можно прогнозировать политический прогресс во многих странах Латинской Америки. Благоприятные экономические, а с ними и политические сдвиги вероятно произойдут и на Африканском континенте.

Четвертый сдвиг. Проблема адаптации научных и технологических достижений в различных экономических и социальных секторах. Но она может быть успешно разрешена посредством масштабной и одновременно избирательной инновационной политики, особенно активированной в ведущих европейских странах, Китае и Японии. Тогда будет достигнут трудно переоценимый глобальный эффект в наступающий период распространения новых цифровых и иных технологий, называемого четвертой промышленной революцией. Он выразится в обще мировом инновационном/технологическом прогрессе, затрагивающим большинство стран, преобладающая тенденция инерционного развития мировой экономики будет переломлена.

Пятый сдвиг. На основе широкого международного консенсуса может быть дан адекватный ответ на мировой миграционный вызов. Твердая, право обоснованная миграционная политика, притом учитывающая гуманитарные ценности, утверждает себя. Достигнутое соглашение позиций стран ЕС По вопросам миграционной политики – убедительное подтверждение сказанному.

Вместе с тем крайне необходимой остается интенсивная финансовая помощь развивающимся странам и самое активное участие в реформировании их экономики и социальных секторов со стороны ЕС, Японии, Китая и других индустриальных стран. В результате кардинально сократится число слабых, политически зависи-

мых государств, что повлечет за собой и кардинальное ослабление миграционной аномалии.

Заключительный сдвиг. Совместные усилия прогрессивных правительств развитых и других стран по стабилизации климата, предопределенные Парижским соглашением 2016 года, и улучшению экологии увенчаются заметным успехом. Тогда вероятно произойдет действительное мировое признание экологических, да и других императивов устойчивого развития, в конечном счете, затронув США и Россию, как и весь бывший Третий мир.

В конечном итоге, в случае обозначенных трансформационных изменений в глобальном масштабе факторы прогресса будут заведомо превалировать над инерционными факторами на экономическом пространстве. А повышение социального благополучия в широком его понимании для граждан большинства стран станет постоянным трендом.

Наряду с этим столь же важно достижение стабильного политического прогресса. В случае выполнения обозначенных позитивных сдвигов, в их числе создания мощного оборонительного щита континентальной Европы, фактор военного потенциала перестанет играть доминирующую роль в мировом балансе сил. Он будет формироваться в зависимости и от других значимых факторов экономического и политического веса разных стран и их альянсов. Пресловутая дуополия власти над миром не будет иметь места, несмотря на возможное сохранение противостояния США/НАТО и военного союза России и Китая.

*На пути к достижению устойчивой обще социальной системной трансформации.* Системное представление устойчивой трансформации общества в предполагаемой будущей перспективе предполагает охват всех значимых направлений социального развития в их целостном единстве на национальном, региональном и глобальном уровнях. По-видимому, основные критериальные признаки этого процесса могут быть сформулированы таким образом: 1) формирование стабильно долговременных траекторий основных ресурсных, как и фундаментальных институциональных и организационных сдвигов, в направлении потребных структурных целевых ориентиров на перспективу, отражающих весь набор экологических, обще гуманитарных и иных параметров устойчивого развития; 2) надежная адаптация к предполагаемым технологическим, демографическим и климатическим переменам в той мере, в какой они выступают в качестве экзогенных факторов относительно трансформации всей социальной системы и ее основных составляющих.

Разумеется, нельзя не принимать во внимание существование огромного числа процессов не устойчивых изменений, имея в виду хотя бы циклические колебания рыночной конъюнктуры, влияние технологических шоков, спорадические политические пертурбации и социальные конфликты. Они могут быть регрессивными и оказывать очень существенное воздействие на фундаментальные перемены, приводя к нарушению условий устойчивой системной трансформации. И, по-видимому, проблема нейтрал-

зации рисков такого влияния в будущем будет выступать центральной в ходе проектирования непосредственно долгосрочных стратегических решений и механизмов преодоления возникающих рисков [11].

Попробуем хотя бы эскизно представить будущую устойчивую системную трансформацию по трем ее основным направлениям - экономическому, политическому, социетальному.

*Устойчивая экономическая системная трансформация.* Ожидаемые будущие перемены в начале двадцатых обуславливают переосмысление понимания устойчивого экономического развития как непрерывного пространственно-временного трансформационного процесса. Наиболее весомый вклад в экономический выпуск призван вносить технологический и институциональный прогресс. Именно он выступает основным средством обеспечения долгосрочной конкурентоспособности национальных экономик, а не агрессивная протекционистская политика по нынешнему американскому образцу.

Развертывающаяся в настоящее время новая индустриализация открывает путь для максимального сокращения потребления углеводородов и других воспроизводимых ресурсов и их замене на воспроизводимые при грандиозном распространении зеленых технологий, осуществлении эффективных индустриальных проектов, особенно инфраструктурных, именно по экологическим критериям. Как следствие, будет достигаться желаемый весомый эффект дикаплинга, когда экономические результаты растут намного быстрее, чем потребление ресурсов и масштабы их воздействия на окружающую среду.

По всей видимости, в глобальном масштабе произойдет долгожданный структурный сдвиг в сторону превалирования инновационного и высокотехнологического экономических секторов, где будут использоваться воспроизводимые ресурсы и применяться энерго эффективные, безотходные и малоотходные технологии. Одновременно правомерно ожидать становления в большей части мира зеленой экономики, отвечающего императивам экологической приемлемости и климатических улучшений. Уже сейчас в мире имеется значительное количество готовых к широкому применению экономически и экологически эффективных «зеленых» технологий. И это дает основания надеяться на постепенное (именно постепенное) элиминирование существующей «коричневой экономики». Долгожданным последствием кардинального сокращения потребления невоспроизводимых ресурсов станет сохранение биоразнообразия и приумножение природного капитала на базе восстановления и распространения новых экосистем.

Вместе с тем определенно неприемлемо упрощать проблему рыночной адаптации к новым технологиям во всей обозримой перспективе. Как свидетельствуют многочисленные факты, применение ряда новых технологий, в их числе цифровых технологий, в принципе не отвечает критерию экономической стабильности. Вполне вероятен шоковый эффект развития отдельных рынков, где эти технологии внедряются. Так, по мнению ряда исследователей, последствия роботизации и применения технологий, базирую-

щихся на искусственном интеллекте, скажутся весьма болезненно на рынках труда.

В перспективе возникнет долговременная потребность в создании специальных регулирующих механизмов. В первую очередь это предполагает применение непосредственно в рыночной среде новых адаптационных технологий, которые начинают разрабатываться.

Неотъемлемым императивом устойчивой системной трансформации в будущем выступает и поддержание занятости в рыночных и социальных секторах в полном соответствии с Повесткой. Животрепещущая проблема сокращения относительной доли трудоспособного контингента в составе населения развитых стран вследствие его старения вероятно будет разрешаться в существенной степени за счет регулируемого притока иностранной рабочей силы на строго правовой базе.

Важнейшим качественным императивом будущего УР также является справедливая оплата труда при гендерном равноправии. При выполнении этого условия будет достигаться, как следует из страноведческих исследований, столь желаемое сокращение дифференциации доходов и личного/семейного богатства.

В обозреваемой перспективе в наибольшей мере призваны относительно увеличиться капитал и возрасти доходы инноваторов и высокотехнологичных производителей. Наоборот, желательно относительное сокращение капитала финансовых субъектов и рентных доходов, сопровождающееся элиминированием гипертрофированно высокодоходных составляющих рынка капитала и широких ниш для финансовых спекуляций. При этом неотъемлемым условием выступает поддержание финансовой сбалансированности, что опять-таки зафиксировано в Повестке, применительно к отдельным национальным экономикам. Особенно в ходе осуществления будущих долговременных структурных реформ [12].

Согласно ряду прогнозов, вероятно потребным останется и действующий сейчас режим жесткой монетарной стабилизационной политики. Он призван быть дополнен нейтрализацией незаконной/криминальной экономической деятельности и антикоррупционным курсом на устойчивой правовой базе.

На глобальном, мульти региональном и национальном уровнях призвано произойти утверждение в качестве доминантного именно устойчиво поддерживаемого экономического порядка. Он предполагает беспрепятственный стабильный торговый режим, как и стабильные режимы международного движения капитала в его разных формах и рабочей силы. И, что самое важное, действующие на базе согласованного применения глобального, регионального и национального законодательства. Определенно оно не совместимо с прежним либеральным (конечно, только на словах!) международным экономическим порядком эпохи американской гегемонии, на возврат которого до сих пор возлагают надежды известные закулисные круги.

Можно предполагать, что на мировой арене, по крайней мере, три конкурирующие группы стран будут сопоставимы по рыночному

потенциалу: 1) США и остальные страны с сохранившимся преобладающе капиталистическим институциональным укладом; 2) Китай, Индия, Россия и ряд других не западных стран; 3) страны континентальной Европы, по видимому, в союзе с Японией и Канадой. Наряду с этим высоко весомой останется роль региональных экономических союзов, в которые входят другие страны. В условиях такой многосторонней международной конкуренции есть основания предполагать, что большинство стран будут выступать в качестве равноправных членов мирового экономического сообщества. В свою очередь установление такого равноправного порядка выступит предпосылкой дальнейшего движения к полномасштабной экономической глобализации.

Разумеется, не стоит ставить под сомнение необходимость поддержания позитивной мировой экономической динамики во имя благополучия всего человеческого социума, как это зафиксировано в меморандумах G-20 последних лет. Вместе с тем имеет смысл обратить особое внимание на весомые аргументы в пользу сохранения относительно умеренных темпов экономического роста и в период двадцатых.

Первый аргумент вполне понятен: приоритеты устойчивого развития диктуют целесообразность качественного улучшения большинства существующих рынков при их ограниченном ресурсном росте. И это становится достижимым в результате взаимно дополняемого сочетания двух процессов: внедрения новейших технологий, обеспечивающих максимальную экономизацию затрачиваемых ресурсов, и одновременно повсеместного использования воспроизводимых ресурсов и распространения безотходных производств в технологически «старых» секторах.

Второй не менее значимый аргумент: для воспроизводства потенциала будущей зрелой постиндустриальной экономики не требуется максимальный количественный рост новых технологий и новой техники. Спрос на новые информационные цифровые технологии и компьютеры будет ограничен хотя бы с точки зрения физического числа их покупателей. В дополнение к этому следует принимать в расчет, что по всем прогнозам в двадцатые усилится тенденция относительного удешевления техники (с точки зрения соотношения продажных цен и полезного эффекта).

Также в рассматриваемой перспективе, вероятно, не возникнет потребности в очень быстром росте физических объемов зданий, сооружений и других объектов инфраструктуры постиндустриального сектора. Компактность и эргономичность большей части высокотехнологичных предприятий при продолжении тенденции миниатюризации технологического прогресса — очень весомый довод в пользу такого предположения.

Что касается личного и семейного благосостояния, то направления трансформации его структуры в дальнейшей перспективе в наибольшей степени будут предопределять изменения рациональных потребительских предпочтений. На первый план выходит ценность качества жизни в окружающих природных условиях 21

века. Оно предполагает рациональное личное потребление ресурсов, не наносящее вред окружающей среде, и тем самым отказ от расточительного потребления. Осознание бессмысленности пользования ради престижных соображений множеством автомобилей, загородных зданий, для строительства которых используется огромная масса «коричневых» стройматериалов, и других атрибутов роскошной жизни, наносящих вред окружающей среде, станет, возможно, основополагающей чертой будущей потребительской идеологии.

Наконец, еще один весомый аргумент против максимизации экономического роста обусловлен ожиданием дальнейшего институционального совершенствования основных внутренних рынков в не западных странах. По всем прогнозам, в рассматриваемой перспективе норма прибыли в реальных секторах их экономик уменьшится и приблизится к существующей в западных странах. Сначала это произойдет в Китае, затем в других азиатских гигантах и, в конечном итоге, в большинстве остальных развивающихся стран. Бурного роста большинства товарных рынков, вызванных конъюнктурными и тем более спекулятивными финансовыми факторами, наблюдаться не будет и, соответственно, у рыночных субъектов не будет возникать заинтересованности в максимальной аккумуляции капитала.

И, наверно, стоит поставить точки над и. Устойчивое воспроизводство мировой экономики зрелого постиндустриального типа в период двадцатых предполагает ее стабильный и спокойный, совсем невзрывной, рост. В то же время быстрый рост отдельных рынков, особенно инновационных, будет вполне реален.

Впрочем, как бы в завершении экономической темы уместно сделать важное замечание. Устойчиво благоприятные изменения на экономическом поле, объективно достижимые в значительной мере благодаря целенаправленной национальной или наднациональной экономической политики, ни в коей мере не следует трактовать как идеальные, так называемые перфекционистские процессы. Они выступают необходимыми условиями к осуществлению в принципе максимально эффективных ресурсных и институциональных сдвигов, инициируемых оптимальными инициативными решениями самих рыночных агентов с точки зрения реализации технологических инноваций и самых разнообразных инвестиций, использования производственного потенциала и квалифицированного персонала.

*Устойчивая системная трансформация на политическом поле.* Остановимся теперь хотя бы кратко на совсем мало изученной теме устойчивой трансформации на политическом поле. Она предполагает не просто внутривнутриполитическую стабильность, которая обычно рассматривается в качестве условия для поддержания благоприятного экономического развития тех или иных стран.

Бесспорной представляется позиция в пользу формирования на глобальном уровне многополярного политического порядка, несовместимого с гегемонией одной страны или

группы стран, как и со сверхдержавной дуопольей (США и его ближайших союзников, с одной стороны, и, Китая и России, с другой). Такой анти-гегемонистский порядок может стать основой для удовлетворения национальных интересов небольших стран.

Потребуется создание гибких, подвижных во времени институциональных механизмов, включая организационные структуры, обеспечения международной безопасности. Неотъемлемым условием глобальной политической устойчивости выступает и утверждение международного правового режима.

Достаточно хорошо известны институты, обеспечивающие устойчивую внутриполитическую трансформацию отдельных стран на принципах демократизации и соревнования [13]. Как свидетельствуют страноведческие исследования, от качества внутри политических институтов напрямую зависит эффективность, то есть результаты и издержки административного управления на всех его уровнях.

Позитивное влияние формирования устойчивого экономического порядка на трансформацию на политическом пространстве в первую очередь проявится в давно предсказанном сдвиге. Политическая элита будет в значительной мере пополняться за счет высшего менеджмента в инновационном и высокотехнологичном корпоративном секторах, а также в секторе зеленой экономики при сокращении присутствия лидеров финансового и торгового капитала.

Вместе с тем стоит отметить: достижение траектории устойчивой политической трансформации не будет означать всеобщего перехода к совершенному режиму демократического правления в гражданском обществе в соответствии с традиционными представлениями. Тем более применительно к странам, которые в настоящее время не являются действительно демократическими. Тем не менее, возникнут основания надеяться на необратимое утверждение парламентской демократии взамен популистской, перманентно первобытной формы президентского правления и в этой многочисленной группе стран.

*Устойчивая социетальная системная трансформация.* Наконец, обратимся к крайне многогранной проблеме устойчивой трансформации на социетальном поле. Ее интегративным критериальным условием, следуя признанным представлениям, выступает справедливое распределения благосостояния в широком его понимании (включая потребление природных и культурных благ, получение образования) между всеми поколениями сограждан при постоянном повышении качества их жизни и достижении надежной социальной сбалансированности.

Устойчивая трансформация рассматриваемого рода призвана быть сопряжена с постепенными позитивными улучшениями статусной структуры, в первую очередь неуклонном усилении статусных позиций среднего класса и особенно страт квалифицированных специалистов и независимых, инклюзивных предпринимателей. При этом в случае параллельного формирования устойчивого экономического порядка будет происходить обновление состава высших ста-

тусных групп (в том числе так называемого транснационального корпоративного класса).

Впрочем, стоит признать, реалистичное проектирование улучшений статусной пирамиды общества представляет собой весьма сложную проблему. Для ее разрешения необходима оценка влияния на трансформацию статусной структуры экономического и политического институционального прогресса, а также воздействия технологических и других экзогенных внесистемных изменений.

Исключительное значение, как подсказывает практический опыт, будет иметь реализация синергетического эффекта взаимно дополняющих решений по разным направлениям социальной политики. Так, ожидаемый прогресс на поприще борьбы с бедностью и в образовательной сфере, то есть человеческого фактора, призван попутно материализоваться в значимом улучшении окружающей природной среды. В свою очередь необходимым условием выступает достижение обратного эффекта этих улучшений на состояние всего национального социума. Именно благоприятные экологические условия жизни выступают важнейшим фактором стабильности социальной жизни локальных социумов. А стало быть и социальной стабильности в определенных национальных границах.

Судя по сегодняшнему опыту, для приближения к траектории устойчивой социетальной трансформации критическую значимость приобретает стимулирование разнообразных форм добровольного участия граждан в общественной жизни. Оно препятствует социальной эксклюзии отдельных групп населения, в частности, распространению молодежной наркомании. Крайне важное значение имеет и массовое участие мигрантов в деятельности организаций гражданского общества, для чего обязательно требуется реализация специальных образовательных и культурных программ.

Общепризнанно, что удовлетворение возрастающих интеллектуальных, моральных и духовных запросов граждан современных стран предполагает благоприятную культурную трансформацию при сохранении дивергенции национальных (субнациональных) культур. В конечном счете, социально-культурная политика призвана способствовать порядковому усилению солидарности граждан как членов общества. Тогда, несмотря на возможные неблагоприятные демографический и миграционный тренды, станет достижимым столь желаемое усиление интеграции различных национальных общностей, выступающее неотъемлемым условием их самодостаточного развития.

Резонно рассчитывать и на самое широкое распространение постматериалистического сознания среди представителей образованных и обеспеченных страт общества. Их предпочтения будут предопределяться ценностями, выражающимися в свободе самовыражения и качестве жизни. Постматериалисты ставят личный предпринимательский успех и накопление индивидуального богатства наравне с профессиональными достижениями и долговременным человеческим благополучием в рамках окружающей человеческой и природной среды. И, что особенно

важно, предприниматели, разделяющие эту идеологию, будут ориентироваться на социальное признание своего устойчиво эффективного бизнеса, а не максимизацию нормы прибыли.

Впрочем, было бы недальновидно поддаваться иллюзии идеального социального устройства будущего. В прогнозируемой перспективе, и в случае вероятного распространения постматериалистического мировоззрения, есть все основания ожидать расширения рутинной, совсем не креативной экономической и другой социальной деятельности в условиях применения безлюдных технологий и роботизации. Огромное количество, а возможно, и большинство занятых будет сосредоточено в низко технологичных и средние технологичных видах деятельности в сфере услуг. Угроза сохранения низких творческих возможностей и запросов этой части населения на фоне превалирования творческих начал в жизни другой его части станет очень значимой.

По нашему представлению, выход из положения в решающей мере связан с возможностью кардинального повышения занятости, в том числе работников интеллектуального труда в эколого-социальном секторе, где возникнут широкие возможности для использования технологических инноваций как общественных благ. Этот процесс призван стать всеобъемлющим, охватывающим как растущие мегаполисы и обычные города, так и климатически сложные районы планеты.

**Оптимистическое заключение.** Устойчивая обще социальная трансформация по ее основным взаимосвязанным направлениям выступает неотъемлемым атрибутом будущего человеческого прогресса. Несмотря на вероятные существенные издержки и весомые противодействия, потребность перехода к такому типу развития общества назрела.

Целенаправленно поддерживаемое движение по траектории устойчивой обще социальной системной трансформации отнюдь не является путем в «светлое будущее» в духе коммунистической идеологии. Перед планетарным сообществом снова и снова будут вставать новые животрепещущие проблемы. Реализация стратегических замыслов прогрессивного, в первую очередь устойчивого развития и в период двадцатых натолкнется на серьезные разнообразные препятствия - источники рисков. Достаточно сказать об угрозах техногенных катастроф (в том числе обусловленных действиями роботов с искусственным интеллектом), неизведанных ранее эпидемий и этно-национальных конфликтов. Но эти препятствия в случае утверждения идеологии и практики устойчивого развития могут быть преодолены приемлемым образом, без продолжительных кризисов и грандиозного социального ущерба, на основе глобального, региональных и национальных консенсусов.

Применительно к отдельным странам обоснование реально выполнимых подвижек по основным направлениям обще социальной устойчивой системной трансформации явится важнейшим исходным этапом к разработке национальной стратегии развития. Судя по международному опыту, определенно целесообразна

фиксация ориентиров устойчивых трансформационных и иных преобразований в рамках системной стратегии развития всего общества. В ней призваны быть обозначены пути достижения будущего, которого желает и заслуживает большинство национального социума.

Вместе с тем стоит оставаться реалистами. В рамках отдельных направлений национальной стратегии призваны быть учтены процессы заведомо нестабильных, ускоренных трансформационных изменений. Для разработки этих частных стратегий требуются специальные подходы, апробированные на практике.

Вполне понятно позитивное влияние, которое может оказать разработка национальных стратегий желаемой обще социальной системной трансформации на существующую практику проектирования и публичного мониторинга под эгидой ООН целевых ориентиров УР по выбранным выборочным направлениям [14]. Посредством интеграции национальных стратегий могут быть реально оценены возможности достижения этих ориентиров во времени, как и в пространстве по разным странам и в целом на глобальном уровне.

#### Библиографический список:

1. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. / СПб.: Алетейя, 2002.
2. Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуры. / М.: Академический Проект, 2003.
3. Луман Н.
4. Мартынов А. В. Системная трансформация экономики и общества: Российский выбор / М.: ЛЕНАНД, 2016.
5. Залывский Н. Индекс счастья в странах Арктики: индексное измерение и сопоставление динамики развития экономики Арктического мира / Арктика и Север. 2016. № 22, с. 43-65.
6. Enders J. and Remig M. (eds.) Theories of Sustainable Development // Abingdon: Routledge, 2015.
7. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года. Итоговый документ саммита ООН, принятый 25 сентября 2015 года. <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>.
8. Global Sustainable Development Report 2016. United Nations, 2016. <http://sustainabledevelopment.un.org/globalsdreport/2016>
9. Acemoglu D., Liabson D., List J. Why Isn't the Whole World Developed? / Chapter 8, in *Macroeconomics*, Pearson, 2015. <http://pearsonhighered.com>.
10. G20 Action Plan on the 2030 Agenda for Sustainable Development. Geneva, 2016. <http://ictsd.org>.
11. Transformation towards sustainable and resilient societies in Asia and the Pacific. United Nations, Asian Development Bank, United Nations Development Program. 2018.
12. The European Commission's 2018 assessment of macroeconomic imbalances and progress on reforms. ECB economic bulletin. Issue 2: Brussels, 2018.
13. Mazarr, M. 2018. Summary of the Building a Sustainable International Order Project. / RAND Corporation. 2018. [https://rand.org/pubs/research\\_reports/RR2397.html](https://rand.org/pubs/research_reports/RR2397.html)
14. The Sustainable Development Goals Report / United Nations. 2018. <http://unstats.un.org/sdgs/files/report/2018>.